

Илья Стогов

150 дней в Петербурге

Эксклюзивные откровения
со страниц главной городской газеты

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ

Илья Стогов

150 дней в Петербурге

Издательский дом "С.-Петербургские ведомости"

2017

Стогов И.

150 дней в Петербурге / И. Стогов — Издательский дом "С.-Петербургские ведомости", 2017

ISBN 978-5-6040-0712-9

Книга издана по мотивам материалов для газеты "Санкт-Петербургские ведомости" от известного писателя Ильи Стогова, опубликованных в 2017 году. Вы узнаете новое о городе, о времени, которое город переживает, то, о чем еще никто не писал и не говорил. Автор считает, что именно в этом и состоит суть работы журналиста: по возможности честно говорить о месте и времени, в которых мы живем.

ISBN 978-5-6040-0712-9

© Стогов И., 2017
© Издательский дом "С.-Петербургские ведомости", 2017

Содержание

Дорогие читатели!	5
Короткое пояснение от автора	6
Как я был мигрантом	7
Как я пробовал фалафель	9
Как я был бариста	11
Как я был контрабандистом	14
Как я пытался спекулировать книжками	17
Как я ходил за алкоголем	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Стогов И. Ю.
150 дней в Петербурге
Эксклюзивное откровение со
страниц главной городской газеты**

Дорогие читатели!

Эта книга подготовлена в Издательском доме "С.-Петербургские ведомости" на основе публикаций в старейшей российской и главной городской газете "Санкт-Петербургские ведомости".

В 2018 году газете исполняется 290 лет; к этому событию приурочено издание книг, объединяющих наиболее интересные публикации новейшего времени на её страницах. Подписывайтесь на главную городскую газету "Санкт-Петербургские ведомости".

Короткое пояснение от автора

Я пишу для «Санкт-Петербургских ведомостей» совсем недавно. Если посчитать, то получается, что всего чуть больше ста пятидесяти дней. За это время в газете вышло приблизительно три десятка материалов, подписанных моей фамилией. Разных: репортажей, рецензий, эссе, интервью.

Каждый раз, включая компьютер, я хотел сказать о своем городе хоть что-то, чего о нем еще не говорили. О городе, и о времени, которое город переживает, ведь именно в этом и состоит суть работы журналиста: по возможности честно говорить о месте и времени, в которых мы живем. И каждый раз, сдавая материалы, которые вы прочтете, я не мог поверить, что именно мне выпала честь и счастье писать в газете об этом городе... таком важном, и по-прежнему таком удивительном.

За сто пятьдесят дней в «Санкт-Петербургские ведомости» я сдал приблизительно тридцать материалов. Ниже помещены они все.

Как я был мигрантом

Первые соседи стали просыпаться в полшестого утра. Ехать им предстояло куда-то за город, поэтому выезжать нужно было совсем затемно. Мужчины заскрипели койками, загрохотали тяжелой обувью, кто-то попробовал заварить чайку на дорожку, но русский водитель торопил: «Какой чай? Поехали, поехали уже!».

После того, как за ними закрылась дверь, я все-таки успел еще немного подремать, но в семь собираться стала вторая команда. Эти шумели уже так, что проснуться пришлось окончательно. Я взял зубную щетку и побрел в общую ванную умываться. Очередь в ванной была небольшая, всего человек десять. Начинался день, который мне предстояло провести совсем не так, как предыдущие.

...

Я родился в доме, стоящем на набережной Невы, ходил в школу, выстроенную на месте, где когда-то стоял дворец царевича Алексея, и дальше большая часть моей биографии прошла в тесном петербургском центре. Пару раз я пробовал жить в Москве и один раз – в Таиланде. Но по большому счету нигде и никогда я не чувствовал себя приезжим. Даже и представить не мог, что на самом деле значит, быть нежеланным чужаком. А вот на прошлой неделе решил попробовать.

Официальной статистики насчет того, сколько именно трудовых мигрантов живет в моем городе, не существует. Цифры различаются на несколько порядков, но любой понимает, что таких людей очень много. При этом, вряд ли кто-то из петербуржцев действительно представляет условия, в которых они живут. Где спят? Чем питаются? И питаются ли вообще? Собрав рюкзак и поцеловав на прощание жену, один день своей жизни я решил провести, как всамделишный мигрант.

Начать я решил с места для ночлега. Краткий мониторинг позволил выяснить, что цены на койку колеблются в диапазоне 130–250 рублей за ночь. Интересы ради я заглянул в пару таких общежитий: неподалеку от улицы Марата и на Васильевском. Двухъярусные деревянные кровати, общая кухня с несколькими плитами, окна плотно занавешены, в целом довольно чисто. Первое, о чем предупреждают охранники: у них тут строжайший сухой закон. За попытку проноса алкоголя внутрь – пендаль и безоговорочное изгнание.

Остановиться я решил в третьем из осмотренных общежитий: громадной расселенной коммуналке рядом с Литейным. В помещении было минимум семь огромных комнат, два туалета и общая ванная. Равнодушный охранник позвонил кому-то по телефону, сказал, что администратор подъедет позже, а пока я могу занимать любую свободную постель.

Документов у меня никто так и не спросил. Инструктаж был зачитан заученной скороговоркой. Если я заплачу за месяц вперед, то смогу получить небольшую скидку. Постельное белье меняется раз в две недели. На кухне не свинячить, за собой убирать, а не то заставят мыть пол во всей парадной. Громко слушать музыку на телефоне после десяти запрещено. Все ясно?

Я кивнул. Сутки мигрантской жизни начались.

...

Последняя группа рабочих уехала поздно, уже около десяти. После этого во всем общежитии осталось лишь двое неразговорчивых среднеазиатских мужчин, да молодой белорус, который накануне повредил на стройке колено и сегодня решил взять выходной. Несколько раз

подряд стрельнув у меня сигарету, под конец парень просто сел ко мне на кровать и долго рассказывал, что в Петербурге работать плохо. А хорошо работать было в прошлом году в Польше. Потому что хозяин там сразу оставил им на бригаду полсвины и напитки, а сам уехал, так что уже часов с двух можно было пойти на рыбалку, а рыбалка в Польше просто отличная.

Утро я решил посвятить поиску работы. По легенде я готов был работать кем угодно, и за самые маленькие деньги. Мне казалось, что на таких условиях вопрос трудоустройства должен решиться быстро. Однако, выяснилось, что и водителей маршруток в транспортные компании, и рабочих на петербургские стройки набирают по большей части централизованно. Работодатель связывается с рекрутером, который сразу привозит откуда-нибудь из Ташкента или Душанбе полностью укомплектованную бригаду и сам же ведет с ними все денежные расчеты. С улицы попасть в этот бизнес почти нереально.

Тогда я попробовал устроиться продавцом в магазин. Но и здесь не преуспел. С подозрением глядя на мое чересчур петербургское лицо, смуглые владельцы торгующих алкоголем полуподвальных лавочек мотали головами: не требуется. В пятом по счету магазинчике продавец родом из-под Самарканда сжалился и объяснил: чтобы открыть торговую точку, жители его родного села скинулись деньгами все вместе. И прибыль делят теперь тоже на всех. Работать сюда они по очереди отправляют кого-то из односельчан (смена – полгода или девять месяцев), а чтобы те не особенно жульничали, семьи уехавших остаются дома. Так что лишние звенья в этой коммерческой цепочке им ни к чему.

...

Домой (в общежитие), я вернулся затемно. На кухне мужчины активно резали овощи. На составленных вместе столах были горкой навалены лавашы. На плите что-то побулькивало. Поев, постояльцы мыли за собой посуду и освобождали место следующей партии. Уходя, некоторые трижды целовали знакомых в небритые щеки.

Я тоже сел за стол. Попробовал поболтать с соседями, но было видно, что после целого дня работы все здорово устали. Только один из них, смешно коверкая русские окончания, пожаловался, что работы для таких, как он, последнее время почти совсем нет. А лет семь назад в Петербург завозили бригады даже из Китая. С одной такой он даже жил некоторое время в этой самой общаге. «Вах! Дикая люди, эти китайцы, клянусь, – задирали он кустистые брови. – Совсем, клянусь, русский язык не понимают!».

В самой большой комнате стоял маленький телевизор, но смотреть его я не пошел. Сосед сверху постирал что-то из нижнего белья, повесил сушиться на батарею, и стал разговаривать по телефону. Почти сразу из коридора пришел охранник, который прикрикнул на соседа, и тот стал разговаривать тише.

Валяться на деревянных нарах было жестко, а главное скучно. Wi-fi в общежитии был бесплатный, но копаться в телефоне совсем и не хотелось. Хотелось домой. В скучную петербургскую жизнь, которая отсюда, с койки в общежитии для мигрантов, больше не казалась такой уж скучной. Единственное, о чем я думал, засыпая, это, как завтра с самого утра сдать, наконец, охраннику белье, и вернуться ко всему тому, что прежде совсем не ценил.

В голове стучала строчка выученного когда-то в детстве стихотворения: «Родиться там, где над Невой кричат птицы, – лучшее, что может с тобою случиться».

Как я пробовал фалафель

Отмечу без лишней скромности: в жизни у меня было несколько достижений, которыми я совершенно искренне горжусь. Но, наверное, самым выдающимся из них является то, что когда-то давным-давно я первым из петербуржцев попробовал столь невиданную в те годы штуку, как «шаверма».

Дело было в самом конце 1980-х. Таким же весенним деньком, как сегодня, я шагал по Литейному, и возле ограды Мариинской больницы, где в те годы тусовались разве что букинисты, взглядом уперся в невеселого мужичка в белой тужурке. Тот вполсилы стругал ножом овощи, и распространял вокруг щекочущий запах. На мой вопрос, чем именно он в таком странном месте торгует, мужичок ответил, что продает буквально вчера изобретенное и никем еще не пробованное блюдо. Да только клиентов что-то нет. Так что, если я решусь, то стану первым в городе дегустатором этой самой «шавермы».

У нас в стране к уличному перекусу принято относиться со снисходительной брезгливостью. Оно и понятно: еще не так давно весь диапазон возможностей в этом смысле исчерпывался беляшами, про которые даже дети знали: откусишь разок, и очнешься потом в Боткинских бараках. А между тем в большинстве европейских столиц стрит-фуд давно уже воспринимается, как столь же уважаемая часть гастрономической индустрии, как рестораны авторской кухни. Единственное отличие: в ресторанах есть положено с красивых тарелок, а на улице – с питы или иной хлебной лепешки. Эта еда может испачкать вам одежду, но в остальном – сплошные плюсы: быстро, недорого, сытно.

На всем протяжении «жирных нулевых» рестораторы лишь снисходительно посматривали в сторону младших собратьев. И вот сегодня маятник качнулся в обратную сторону. Киоски стрит-фуда открываются в любом подходящем закутке. И перед каждым вторым пусть небольшая, но очередь.

Как-то, решив прогуляться от улицы Марата до улицы Казанской, я насчитал по пути больше двух дюжин заведений такого рода, – а потом сбился со счета. Рублей этак за сто пятьдесят – двести попробовать можно было сербский гамбургер «плескавица» с жгучими балканскими приправами, запеченные в виде шариков японские морепродукты, привычную шаверму с непривычным брусничным соусом и кусочками брынзы, а так же хот-доги, внутрь которых вместо банальной сосиски втиснут кусочек рыбы. А захочется сладкого, – пожалуйста: чешский трдельник с сахаром и корицей, или к примеру жаренные каштаны, политые кленовым сиропом. На вкус, конечно, гадость, зато можно чувствовать себя одновременно парижанином и реальным янки.

Владелец одного из ларьков рассказывал:

– Полтора десятилетия тому назад я относился к фаст-фуду так же, как и все. То есть со снисходительной усмешкой. Ну какие-такие кулинарные тайны могут скрываться среди гамбургеров и картошки-фри? А потом поездил по миру, поел того, что готовят прямо на улицах, и, вы знаете, навсегда разлюбил рестораны. Помню, в Португалии я прямо на набережной купил у старого рыбака только что пойманную и обжаренную на решетке скумбрию. Вроде бы ужасная рыба, скумбрия, правда? Но прежде, чем подавать, рыбак от души побрызгал ее лимоном, да и сама она еще пахла Атлантикой... ничего вкуснее пробовать мне не доводилось никогда в жизни!

Впрочем, в Петербурге о только что выловленных из моря рыбах, речь, понятное дело не идет. У нас чуть ли не две трети уличных заведений торгуют фалафелем и прочими блюдами из нута (турецкого гороха). Во-первых, это много дешевле, чем мясо. Во-вторых, не портится. А в третьих, и правда вполне себе вкусно. Горох мелют в муку, из муки лепят шарики, а шарики потом жарят во фритюре. Стоит удовольствие рублей 70–90.

Прежде эти самые фалафельные я встречал исключительно где-нибудь в Каире или пакистанском Лахоре. Ну, или как вариант, – в самых дремучих эмигрантских кварталах европейских столиц. Поэтому, обнаружив киоск с улыбающейся горошинкой-нут на вывеске, ровно напротив собственного дома, обрадовался и тут же потащил жену дегустировать. Пока умелец-фалафельщик лепил свои гороховые колобки, я, переполняемый эмоциями, все расписывал жене, какое гастрономическое удовольствие испытает она через мгновение.

Однако, укусив фалафель лишь раз, супруга скривилась и доедать покупку отказалась наотрез.

– Но почему? – не мог понять я. – Это ведь реальный стрит-фуд. Фалафель едят по всему миру!

– Как тридцать лет назад ты попробовал свою шаверму, так до сих пор и не можешь повзрослеть, – жалостливо скривилась жена. – Сейчас мы вернемся домой, и я налью тебе тарелку собственноручно сваренного супа. А эту гадость пусть и дальше едят по всему миру. Нам они не указ.

Как я был бариста

07.37. Отпереть ларек. Включить внутри свет. Убрать грохочущие промерзшие ставни. Проверить, горит ли вывеска с названием. Поставить кофемолку в рабочий режим. Внутри ларька чертовски холодно, зато вкусно пахнет молотыми зернами.

07.59. Согнутой фалангой пальца в окошко стучит первый покупатель. Рабочий день начинается. Мой первый рабочий день в качестве уличного продавца кофе.

...

Трудно поверить, но всего полтора десятилетия тому назад выпить хорошего кофе в пяти-миллионном Петербурге было, в общем-то, и негде. Заведения в которых варили приличный эспрессо можно было чуть ли не пересчитать по пальцам. Говорят, что даже легендарный «Сайгон» на углу Невского и Владимирского обязан своей популярностью не тусовавшимся тут звездам андеграунда, от Сергея Довлатова до Бориса Гребенщикова, а всего лишь тому, что внутри стояли модные (венгерские) кофейные аппараты.

Все изменилось году этак в 2001-м: в городе появилось невиданное – сетевые кофейни. Сперва напротив станции метро «Горьковская», потом в самом начале Невского, потом везде. Станным внутри казалось все. От названий напитка (горожане морщили лоб: чем же интересно «ристретто» отличается от «мокиатто») до того удивительного факта, что, даже допив напиток, за столиком можно было сидеть, сколько душе угодно, и никто тебя не выгонял.

Появление кофеен изменило жизнь горожан в лучшую сторону. Прежде, если мне звонили приятели и предлагали встретиться-поговорить, то по возвращении домой я долго не мог попасть ключом в замочную скважину и утром ловил недовольные взгляды жены. Просто потому, что самым распространенным видом напитков в ту эпоху было все-таки пиво. А теперь петербуржцы чинно усаживались за столики, прихлебывали эспрессо из маленьких чашечек, да и стоил новый вид досуга в общем копейки.

Так продолжалось несколько лет. До тех пор, пока мир не перевернулся еще раз и на смену кофейням не пришли уличные ларьки «Кофе-с-собой».

...

С 9-30 до 11-00 присесть не удавалось даже не надолго: больше сорока порций кофе. за полтора часа. Правая рука, которой я заправлял эспрессо-машину уже гудела, зато стал заметен некоторый профессиональный прогресс: если в начале рабочего дня на приготовление одной порции у меня уходило почти две минуты, то к полудню я справлялся секунд за сорок.

– Здравствуйте, слушаю вас. – Один американо, пожалуйста. – Двойной? С сиропом? – Нет, одинарный. Без сиропа. – Двойной будет крепче. Точно не хотите? – Ну, хорошо, давайте двойной. – А сироп? – Ну, хорошо, давайте с сиропом.

На самом деле по крепости двойной американо совсем не отличается от одинарного. Зато по цене отличается вдвое. А сироп стоит всего 20 рублей, но до полудня я сумел продать девяносто порций. Что составило почти пятую часть моей выручки.

Главное, как я понял, как можно шире улыбаться гостям (на стажировке меня учили: ни в коем случае не «покупателям», и не «клиентам» – всегда исключительно «гостям») и без конца щебетать. В этом случае, человек, собиравшийся купить один эспрессо (за 50 руб) уйдет от твоего ларька с большим американо, плюс двойной сироп, плюс шоколадная крошка (общей стоимостью в 270 руб). А ты вечером уйдешь домой с приличными чаевыми.

...

Уличные ларьки с кофе на вынос стали массово появляться пару лет назад. И первое время клиентов там почти не было. Бородатые парни-продавцы, скукая, таращились в телефоны, а те, кто хотел хлопнуть кофе, по-прежнему сидели в кафе.

Чтобы распробовать новинку понадобилось время. Зато, когда петербуржцы ее все-таки распробовали, кофейни опустели вмиг. Во-первых, пить кофе в стационарных заведениях все-таки дорого. Во-вторых, уровень обслуживания там всегда был так себе, а уж последнее время и вовсе зашкаливал. Ну, и в третьих, конечно, запрет курения. Так что уличные ларьки появились очень вовремя. Ни тебе туповатых официантов, ни часового ожидания счета, а к бумажному стаканчику, как в заграничном кино, еще и дадут красивую гофрированную держалку, чтобы не обжигать пальцы.

Кажется, будто сегодня кофейных ларьков в центре города буквально тысячи. В радиусе квартала вокруг моего дома на углу Пестеля и Моховой их, например, аж шесть. Хотя на самом деле крупных ларечных сетей всего две, плюс конторка, владеющая бизнесом по продаже кофе из багажников легковых автомобилей. Правда, помимо двух крупных игроков на рынке действует еще и пара дюжин мелких. И такая конкуренция позволяет поддерживать приемлемый уровень цен и какой-никакой уровень сервиса.

Решив попробовать себя в роли бариста, я дошагал до ближайшего к дому ларька и спросил, не возьмут ли меня на работу. Парень-продавец набрал телефон хозяина, и вопрос решился за три минуты: на работу меня взяли. Правда первая неделя именовалась «стажировка» и, как это водится, не оплачивалась. Зато дальше обещали от тысячи ста до тысячи семисот рублей зарплаты в день, плюс чаевые.

Опытный бариста объяснял мне секреты мастерства:

– Воровать у хозяина или обсчитывать гостей – себе дороже. Выгонят без разговоров, а поскольку в этом бизнесе все друг друга знают, то больше работы ты не найдешь. А вот за чай никто тебя не накажет и даже наоборот.

– Да кто ж даст на чай в уличном ларьке?

– А ты постарайся, чтобы общий счет немного не дотягивал до круглой суммы. То есть был не 100 рублей, и ни в коем случае не 120, а например, 80. Тогда человеку будет лень забирать мелочь, и он оставит ее тебе. Или другой пример: здесь вокруг целая куча офисов. Оттуда часто приходят, чтобы купить кофе сразу на весь отдел – чашек десять-двенадцать. Свари им быстро, быстро все упакуй, а вот сдачу выдавай не торопясь. Кофе ведь стынет, ждать никому не охота, а деньги на кофе вроде как общие, оставить немного не жалко. Так что здесь на чай могут дать сразу рублей сто. Вот так по копеечке, по копеечке, к вечеру, глядь, получится рублей пятьсот. То есть половина того, что ты зарабатываешь официально.

...

С 13–00 до 15–30 в окошко не постучался ни один покупатель. Сидеть было ужасно скучно. Сперва я просто смотрел на улицу, а потом попробовал почитать новости на телефоне, но сеть ловилась плохо, и я плюнул.

После 17–00 люди поехали домой с работы, и торговля снова оживилась. Такого ажиотажа, как утром больше не было, но двадцать с чем-то чашек я все-таки сварил. Один чудака попросил добавить ему в эспрессо тыквенный сироп. Пахло от напитка так, будто в его кофе кто-то сварил пельмени.

К 19–30 поток иссяк окончательно, и я стал понемногу сворачиваться. Вымыл стойку внутри и снаружи ларька. Пересчитал оставшиеся бумажные стаканчики и упаковки сахара.

Разложил по кучкам мелочь (ее обязательно нужно оставить, чтобы было чем выдавать сдачу завтра с утра). Казалось, будто запах кофе пропитал каждую пору тела, и еще болела спина.

В 21–00 я запер ларек, закрыл грохочущие ставни и только тут вспомнил, что за целый день так и не перекусил. Впрочем, устал я так, что есть совсем и не хотелось. В голове стучалась только одна мысль: больше на эту работу я ни ногой. Никогда! Ни за какие коврижки!

Простояв за стойкой тринадцать часов подряд, домой я доковылял в полностью разобранном состоянии. Дверь открыла жена. Она посмотрела на меня, сказала, что выгляжу что-то не очень, и спросила, не сварить ли мне, такому плоховыглядающему, чашку кофе?

– Нет! – почти вскрикнул я. – Что угодно, но, пожалуйста, только не кофе!

Как я был контрабандистом

Стал вытаскивать руку из тесного кармана, запутался, с силой дернул и в результате уронил дорожный телефон прямо в лужу. Телефон грустно мигнул монитором и сдох. Денег быстро купить такой же у меня не было, а жить совсем без телефона не хотелось. И в этот момент кто-то из приятелей подкинул гениальную идею: съездить за телефоном в Финляндию. Именно так для меня началась карьера контрабандиста.

...

Лет пятнадцать тому назад вокруг каждой станции метро шумели торговые городки: десятки, а может быть и сотни ларьков. Сегодня прилегающие территории стерильно пусты, а всю торговлю продуктами питания контролирует пять-семь крупных торговых сетей. Лет десять назад на частном извозе мог подзаработать любой владелец авто, – сегодня рынок поделен между несколькими крупными компаниями-перевозчиками. Даже какая-нибудь книжная или газетная торговля, обогащавшая некогда десятки частных коммерсантов, и та давно уже перешла в руки всего трех-четырех игроков.

Крупные и сверх-крупные акулы капитализма повсеместно вытеснили мелкую рыбешку. Но совсем рыбешка не исчезла – частные проныры просто отыскивали себе какие-то иные водоемы. Например, стали возить через границу продукты из соседней Финляндии. Люди, объяснявшие мне тонкости этого бизнеса, уверяли, что прибыль тут, увы, не велика, дачу в Майами точно не построишь, но окупить новый смартфон удастся буквально с пары поездок.

– Сразу по ту сторону границы здоровенная, головка сыра, весом в три с половиной килограмма, стоит 12 евро. То есть, на наши деньги рублей восемьсот. Покупаешь, транспортируешь через границу, якобы для личного потребления, и тут она стоит уже четыре тысячи рублей. То есть прибыль аж целых пятьсот процентов. Да еще и на границе несколько евро тебе вернут: такс-фри.

– А если поймают? – все равно сомневался я.

– Кто? Пограничники? – во весь голос смеялся собеседник. – Поверь, ни до тебя, ни до твоей головки сыра пограничникам нет никакого дела.

В голове крутилась строчка из недоученного в школе поэта Багрицкого: «По рыбам, по звездам проносит шаланду: три грека в Одессу везут контрабанду». Конец недели я провел за расчетами. Столбики перемноженных цифр утверждали, что прибыль от пары поездок через границу действительно должна покрыть покупку самого, что ни на есть наимоднейшего телефонного аппарата. С большим экраном и тоненьким корпусом. Главное, сделать все правильно: как можно дешевле покупаем сыр, рыбу, красную икру, а здесь сдаем покупки в магазин, как можно дороже. Чтобы не ездить порожняком, знатоки предлагали прихватить с собой в Финляндию водки и сигарет, но кому их там продавать, я так и не понял, поэтому плюнул и решил не рисковать.

Чтобы сэкономить еще и на дороге, автобус я нашел через соцсети. Как оказалось, за последние годы вокруг контрабанды продуктов питания успела вырасти разветвленная инфраструктура. По Интернету бродили слухи про демпинговые цены всего-навсего в триста рублей за поездку в обе стороны, но мне вот дорога обошлась в семьсот пятьдесят. Именно столько я уплатил довольно молодому парню, который на собственном автобусе возил всех желающих от метро «Черная речка» до расположенного сразу за границей ближайшего финского гипермаркета, и обратно.

Выезжать нужно было рано. Чтобы не скучать в дороге, с собой я взял почитать книжку рассказов Джека Лондона. Впрочем, после пары страниц все равно заснул. Иногда автобус подскакивал на неровностях дороги, и я просыпался, но все остальное время мне снилось грядущее финансовое процветание. В нагрудном кармане куртки сердце грели сто сорок евро, с трудом выкренных женой из семейного бюджета.

...

В сторону Финляндии наш автобус проскочил почти без очереди. Да и сам процесс покупки продуктов много времени не занял. А вот на обратном пути на границе мы застряли надолго. Уткнувшись в хвост здоровенной очереди, водитель заглушил мотор, а пассажиры полезли наружу курить сигареты и просто дышать напоследок хвойным воздухом Суоми.

На осмотр каждой машины у пограничников уходило минут семь. На автобусы чуть больше. Кресло рядом со мной занимал толстый мужчина. Сперва он просто косился на зажатый у меня между коленок полиэтиленовый пакет с покупками, а потом, очевидно, признав за своего, стал делиться опытом:

– Продукты, конечно, стоит возить не на автобусе, а на машине. И лучше прихватить с собой девушку: машины с девушками в салоне финны почему-то не досматривают. Да и наши не особенно трясут.

Еще он сказал, что если мне нужен какой-то конкретный товар, то проще не ездить самому, а заплатить ребятам, которые возят в Хельсинки экскурсии. Те, конечно, берут по 10 евро за доставку, но это все равно дешевле, чем тратиться на визу и билет. Я спросил, часто ли на границе отнимают контрабанду?

– Смотря, на какую смену нарвешься. На прошлый Новый год по заказу одного ресторана я вез в багажнике сто кило морепродуктов. Хотя по закону можно везти только двадцать: по пять кило на человека. Пограничники отогнали нашу машину в сторонку, продержали четыре часа, а потом сказали, что с меня штраф четыреста евро, плюс в качестве новогоднего подарка забрали себе двух здоровенных лобстеров и выгребли все тигровые креветки. Но знаешь, что? Даже после этого поездка все равно вышла мне в плюс. Потому что выгоднее заплатить все взятки, но привезти морепродукты от финнов, чем покупать внутри страны.

Перед прохождением самого погранконтроля пассажиров высадили из автобуса. Сгибаясь под тяжестью пакетов, пассажиры все как один перешли границу через зеленый (не требующих деклараций) таможенный коридор. Некоторые катили за собой многокилограммовые сумки на колесиках, но никакого интереса у пограничников все равно не вызвали. Я со своими двумя головками сыра и пятью банками икры тоже не вызвал. В десять часов вечера я был дома. Жена открыла дверь и сказала: «Ну, слава Богу!».

...

Рассказы Джека Лондона во время той поездки я так и не дочитал. И иногда думаю, что, зря. Дочитал бы, – узнал, что главную прибыль на золотых приисках всегда получают не те, кто моет золото, а те, кто продает золотоискателям лопаты.

За последние годы вокруг контрабанды продуктов питания из Финляндии успела вырасти разветвленная инфраструктура. И большинство участников получают от процесса какую-никакую прибыль. Парень, владелец автобуса, ежедневно возит через границу сорок человек по цене в 750 рублей с каждого. Если я умею считать, то его доход составляет где-то под миллион рублей в месяц. Финские продавцы сыров и рыбы имеют свою долю дохода, те, кто собирает дань с перевозчиков – свою. Похоже единственное слабое звено во всей этой

схеме – сами контрабандисты. Не знаю, как у других, но вот для меня вся история обернулась полным финансовым крахом.

Сдать привезенные сыр, рыбу и икру в ближайшие к дому магазины мне так и не удалось. Продать перекупщикам на рынке тем более. Жена попыталась выставить товары в Интернете, но к этому времени рыба стала портиться. Дело кончилось тем, что мы пригласили в гости всех, кого смогли вспомнить, и выставили на стол громадные тарелки с бутербродами: красная рыба и икра. Гости вежливо двигали челюстями, но большую часть бутербродов потом все равно пришлось выкинуть. Остатки сыра (грамм семьсот) я всучил одному из приятелей, чтобы он унес их с собой. Мою собственную семью к тому времени подташнивало уже от одного только сырного запаха.

Да, кстати, если вы спросите, что там с телефоном, то его я тоже купил. В комиссионном магазине неподалеку от дома. Аппарат оказался стареньким и не очень модным. Зато надежным: пару раз я ронял его из кармана, но он и до сих пор неплохо работает.

Как я пытался спекулировать книжками

Недавно, копаясь в книжном шкафу, я отыскал телефонный справочник двадцатилетней давности. И полистав издание, обнаружил, что тогда в Петербурге существовало приблизительно двести магазинов «Старая книга».

Интересно, – подумал я, – куда они все делись? Ведь сегодня букинистов в городе ровно в пятнадцать раз меньше.

Конец советской эпохи стал, кроме всего прочего, эпохой расцвета букинистической торговли. Не знаю, как вы, а я вспоминаю те годы с ностальгией. Самый оживленный букинистический квартал находился тогда на пересечении Невского и Литейного. Перекупщики поджидали клиентов в каждой подворотне, а вдоль ограды Мариинской больницы коробки с книжками на продажу были выставлены аж в несколько рядов. Если хорошенько порыться, то отыскать там можно было все, что угодно. От подшивки журнала «Всемирный следопыт» за 1926-й год до перепечатанного на машинке французского порно-романа.

Когда в конце 1980-х в стране была объявлена свобода торговли, то, например, в Москве стали массово открываться барахолки с турецким трикотажем. А у нас, если вы помните, книжные ярмарки. Самая первая появилась в конце Шпалерной, на том месте, где сегодня открыт Музей воды. Среди посвященных она была известна, как «Водокачка»: помещения там были тесные, продавцы жуликоватые, цены заоблачные, но мне, девятнадцатилетнему, казалось, будто я попал в рай.

На ящиках, грязных стеллажах, а то и просто на полу здесь лежало все, о чем я только мог мечтать. Самиздатовские Стругацкие. Репринты с дореволюционных изданий Ницше и маркиза де Сада. Детективы о Джеймсе Бонде в дурацких обложках. Подпольно изданные рок-энциклопедии. А у самого выхода с ярмарки сутулый субъект с вонючей папироской, помню, торговал книжками, называть которые вслух я немного побаиваюсь и до сих пор.

Сколотив первоначальный капитал, букинисты один за другим съехали с ярмарок и стали открывать собственные торговые точки. Атмосфера там царила своеобразная. Особенно в этом смысле отличался «Букинистический салон» за станцией метро «Владимирская», владельцы которого с утра до вечера распивали прямо в торговом зале и, дойдя до нужной кондиции, могли подарить случайному посетителю прижизненное издание стихов Есенина с автографом автора.

Времена стояли голодные. Люди потрошили дедовские антресоли и, порой, несли продавать удивительнейшие вещи. Хозяин одного книжного подвальчика как-то показывал мне рукописный сборник матерных частушек XVIII века с такими текстами, что уши у меня краснеют даже сейчас, когда я печатаю эту строку на компьютере. А потом праздник вдруг кончился.

Ветреная читающая публика вырвалась из опостылевших объятий букинистической торговли и закрутила шашни с юным красавцем по имени Интернет. И на этом эпоха процветания для петербургских букинистов была окончена. Когда-то в переулках вокруг Сенной площади имелось с полдюжины магазинчиков «Старая книга». Сегодня выжил один. Три года тому назад у Пяти углов работало четыре букинистические лавки – сегодня не осталось ни одной. На весь город уцелело от силы двенадцать-пятнадцать книжных подвальчиков, но даже и у выживших дела идут не сказать, что отлично.

Торговые залы напоминают поле битвы на следующее утро после того, как стороны заключили перемирие. Когда-то тут бурлила жизнь, и можно было встретить Константина Эрнста, листающего «Историю античной философии», или всамделишного буддийского ламу из Тибета. А сегодня тут царит почти музейная тишина. Один магазин выжил на набережной Мойки, два у станции метро «Василеостровская», еще парочка на Лиговском проспекте. Если

и заглянет случайный посетитель, то разве что с вопросом, нет ли книжки «Трое в лодке, нищета и собаки».

Куда чаще покупателей в магазинчики сегодня заскакивают те, кто хотел бы, наоборот, от домашней библиотеки избавиться. Рано или поздно, каждому ведь приходит в голову мысль: бумажные книжки только собирают пыль, а если их продать, можно еще и немного разбогатеть, так почему нет? И лишь с трудом доперев сумку с заветными томиками до ближайшей скупки, несостоявшиеся продавцы понимают: затея была ошибкой с самого начала.

Ленясь даже поднять на клиента глаза, невежливые книголюбы по сотому разу объясняют: сразу тащить всю эту макулатуру не стоило. Сперва лучше составить список, товаровед посмотрит, назовет примерную цену. Увы, цена будет крайне невысока. Дюма, «Анжелика», поэзия Пастернака, а особенно собрания сочинений советских классиков не принимаются ни при каких обстоятельствах. За попытку продать в их магазин книги Максима Горького можно получить в глаз.

– Вон, видишь у входа ворох выкинутых книг, которые можно взять бесплатно? – делился со мной один из скупщиков. – Их оставили люди, которые притащили к нам остатки домашних библиотек, не понимая простой вещи: если книжка не нужна тебе, она, скорее всего, вообще никому не нужна. Я ведь куплю не любую книжку, а только ту, которую смогу потом перепродать.

– И что это за книги? За что сегодня можно выручить хоть какие-то деньги?

– Неплохо стоит история или философия: за трехтомник индийских «Упанишад» или «Историю государства инков» можно сразу получить на руки тысячу рублей. Еще лучше уходит довоенная фантастика или детские книжки. «Приключения майора Пронина» в хорошем состоянии – тысячи три. Первое издание «Волшебника Изумрудного города» – тысяч восемьдесят. Ну, а дальше идут по-настоящему редкие издания, цена за которые строго индивидуальна.

Пока я бродил по залу, в магазин заскочили две старшекласницы. Сказали, что хотели бы купить заданную по программе сказку Горького «Старуха из ИГИЛ». Продавец терпеливо объяснил, что Горького, у них нет.

– А если между нами: какую книжку, из тех, что удалось подержать в руках, вы бы назвали самой редкой? – поинтересовался я у него на прощание.

Скупщик внимательно меня осмотрел. И лишь после этого ответил:

– Между нами? Ну что ж, включай свой диктофон, расскажу тебе о том, что на самом деле значат слова «редкая книга».

Как я ходил за алкоголем

О том, как все пройдет, переживать я стал чуть ли не с утра. Жена несколько раз спрашивала, не кончится ли для меня нынешнее редакционное задание просто приводом в полицию? Что ей ответить я не знал.

Вечером молча натянул куртку, и ровно в 22–01 шагнул на улицу. Задача состояла в том, чтобы попробовать купить запрещенный к продаже в ночное время алкоголь.

...

Знаете, я не считаю себя старым парнем. Но при этом неплохо помню, как это делалось еще при Горбачеве. В конце 1980-х тоже ведь существовали сложности с покупкой алкоголя в ночное время. Но какие-то способы обойти запреты имелись и тогда.

На стратегически-важных перекрестках круглосуточно дежурили неразговорчивые типы: незаметно передаешь купюры и по кивку головы понимаешь, в каких именно кустах стоит сумка, из которой можно взять оплаченную бутылку. В каждой девятиэтажке вам могли указать конспиративную квартиру: нажимаешь кнопку звонка и долго ждешь, пока бутлегеры изучат тебя через дверной глазок. Плюс, предприимчивые таксисты. Плюс круглосуточно работающие бани. Ну и еще множество не менее веселых способов.

Все течет, все меняется. Выскакивать по ночам из дому, в поисках вожделенного глоточка не доводилось мне больше десяти лет... а если честно, то даже и еще дольше. И, наверное, поэтому подсознательно я готовился к тому, что задача окажется сложной, этакой рискованной. Однако, на практике все оказалось куда банальнее. В радиусе квартала вокруг моей квартиры работало шесть круглосуточных магазинчиков. И в каждом алкоголем торговали, совершенно не таясь.

Система оказалась разочаровывающе простой. Пальцем показываешь на занавешенную витрину, протягиваешь деньги продавцу. Тот понимающе кивает и выносит из подсобки завернутую в полиэтиленовый пакетик бутылку. Не особенно даже и стесняясь остальных покупателей. В третьем по счету магазине страждущим даже пробивали чек: если заводить сумму не через электронный считыватель, а вручную, то название покупки на чеке ведь не отражается, — только стоимость.

Стоимость алкоголя от дневной, кстати, не отличалась. Вернее, отличалась, но всего на три рубля: именно столько стоил полиэтиленовый пакет.

...

После одиннадцати вечера я решил, что возможно, дело всего лишь в том, что я живу в самом центре Петербурга. Район не типичный: чуть ли не в каждом подвальчике открыт магазин «24», милиции на улицах практически нет. Возможно (подумал я), в других районах дела обстоят иначе. Поэтому, успев на один из последних автобусов, уже в 23–35 я шагнул по небольшой улочке на Петроградской стороне.

Прохожих вокруг было немного. Зато уже второй из них подробно все мне объяснил. Если нужен магазин, то их в квартале два. Правда, алкоголь в обоих дрянной, поддельный. Не только ночью — всегда. Поэтому, куда проще пойти в бар. Баров на Петроградской сотни. И если поискать, то, скажем, пиво или сидр найти можно даже дешевле, чем в магазине.

Идея показалась мне здоровой. По закону после 22–00 купить алкоголь у нас в городе можно только в предприятиях общественного питания (в баре или ресторане). Причем, прода-

вать напитки в закрытой таре им тоже запрещено: только в кружках или стопочках, но никак не в бутылках. Данное требование соблюдается неукоснительно: в первом же заведении, в которое я заглянул, бармен наливал пиво исключительно в бокалы. Правда, когда я сказал, что хотел бы выпить не у них, а дома, любезно кивнул в сторону расставленных возле выхода чистеньких пустых бутылок: «Сам перельешь, ладно?».

Точно так же дело обстояло с покупкой более крепких напитков. Покупать водку в барах мне показалось дорогим, так что заглянуть я решил в круглосуточно работающую столовую. Часы показывали уже первый час ночи, поэтому желающих отобедать в столовой не было. А вот из желающих приобрести грамм двести-триста водки на вынос образовалась даже небольшая очередь.

Брутальный кустистобровый кассир выслушивал покупателя, аккуратно пробивал чек, лично наливал в пластмассовый стакан нужное количество водки, и не забывал выдать к заказу несколько белоснежных салфеток. Над окошечком кассы было яркими буквами написано: «Приходите к нам еще!»

...

Ограничения на продаже алкоголя в ночное время стали вводиться лет пять-шесть назад. Причем от региона к региону нормы могли сильно варьироваться. Например, в большинстве районов Крайнего Севера продажа алкоголя по выходным запрещена вообще. А, скажем, в Саратове «час Икс» наступает не в 22–00, как у нас, а в 17–00. Точно так же от региона к региону могут отличаться и способы обойти эти ограничения.

Где-то продавцы заводят в штрих-код вместо водки, например три килограмма сахара и преспокойненько торгуют всю ночь: по чекам все вроде как, вполне законно. Где-то покупатели наострились вскрывать бутылки с напитками прямо в торговом зале: по закону, если клиент испортил выставленный товар, он должен оплатить его полную стоимость, и забрать товар себе. Где-то проводились беспроигрышные лотереи: покупаешь билетик, гарантированно получаешь приз в виде бутылки. Где-то коммерсанты торговали спичками по 150 рублей (к каждому коробку бонус литр пива). Где-то открывали пункты проката: оставляешь залог и можешь взять на прокат любую выставленную на витрине бутылочку.

Но вот у нас ни одна из этих хитростей так и не прижилась. Просто потому, что хоть как-то маскировать торговлю никто даже и не пытается.

Ради чистоты эксперимента к 02–15 я доехал до самой, что ни на есть окраинной станции метро. Круглосуточные моллы манили яркими витринами, но были пусты. Побродив по залу, поулыбавшись кассиршам, попробовав поперемигиваться с охранниками, искомого результата я не добился. Похоже, крупные торговые сети обойти запрет на продажу и правда не пытаются. Правда, здесь же, на пристанционной площади работало сразу несколько тоже круглосуточных заведений, где напитки любой крепости продавались без каких бы то ни было ограничений. Все просто: днем заведения функционировали, как магазин, а после 22–00 возле входа ставили стул и столик, отчего магазин вроде как превращается в бар, и можно спокойно торговать дальше.

Домой я возвращался уже под утро. Спать хотелось страшно. Таксист пытался со мной поболтать, но я совсем его не слушал. Он что-то бубнил о сыне-акселерате, о том, что тот совсем отбил от рук, а я просто клевал носом и смотрел в окно. Таксист говорил, что хорошо бы сына приструнить, как-то ввести в рамки, да только, как его приструнишь, если он вымахал, здоровенная дылда, и слушать ничего не хочет. А коли так, то какой смысл запрещать ему то, что ты все равно не сможешь проконтролировать? – взмахивал руками водитель, и сам себе отвечал: нет в этом смысла, ведь, если ты запрещаешь, а настоять на выполнении запрета не можешь, то только уважения лишишься, а сына-оболтуса все равно не переделаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.